

рассказа и начинает вспоминать о своей собственной деятельности в Казанской церкви в это время («... и жил во церкви», «поучение чол безпрестанно» (Б) или «чол народу книги» (А)). Анализируя эти вставки в редакции А, я старалась показать,⁴² что они не результат случайного «вяканья», а особый композиционный прием, цель которого противопоставить Никону фигуру его идейного противника — Аввакума, популярного проповедника, «книгочия» и весьма значительного в московской церкви деятеля.

Но независимо от его художественного назначения текст этого отступления производит впечатление вставки, разрывающей некогда единый текст.

Сравним тексты (для сравнения избираем текст редакции Б, как более близкий Прянишниковскому списку).

В редакции Б: «А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанской к Неронову Ивану, протопопу. А мне был отец духовной, я у него и жил все во церкви... Поучение чол безпрестанно. — В памяти Никон пишет: Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает метания в церкви творить на колену...» (96).

В редакциях А и В текст почти такой же, с незначительными лексическими заменами и перестановками. Но в Прянишниковском списке этой вставки, разрывающей текст, нет: «Во 162-м году, в великий пост, прислал память к Казанской, к Ивану Неронову, протопопу. В памяти Никон пишет: год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает метание в церкви творити...» (314—315).⁴³

Аналогичный случай в одном из рассказов о сибирской ссылке. «А се бегут человек с 50: взяли дощаник мой и помчали к нему, — версты с три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их, а оне, бедные, и ядят и дрожат, а иные плачут, глядя на меня, жалеют по мне. Привели дощаник; взяли меня полачи, и поставили пред нево» (Б, 104).

Здесь связанное повествование опять прервано отступлением, цель которого — создать более сложную, объемную картину. В событийную канву не только введены новые дополнительные сведения о том, где был и что делал Аввакум в это время, но, главное, введен новый фактор оценки деятельности Аввакума — отношение к нему казаков, которые «плачут» и «жалеют» его. Это не только «идеологическое» дополнение автора-публициста, но очень важный художественный прием, впервые возникающий под пером Аввакума, — одно и то же событие изображается у него в связи с разными субъектами действия. Так и здесь действие не однолинейно, в него оказываются втянутыми и Аввакум, и Пашков, и казаки; изображение жизненного факта пытается отразить саму сложность жизненных связей персонажей. Но и здесь это «боковое» действие, создающее объемность изображения, — отступление от основного повествования. В Прянишниковском списке этого отступления нет: «... А се бегут человек с пятьдесят: взяли дощаник мой и помчали к нему, — версты с три от него стоял. Привели дощаник; взяли меня палачи, и поставили пред него» (318).

Но в Житии есть и такие тексты, которые совсем не имеют следов вставки, разрывающей текст, напротив, текст здесь органичен и создает весьма сложную картину «бытия» Аввакума в один из напряженных моментов. Таков отрывок, описывающий заключение Аввакума в «темной полатке» Андроньева монастыря: «... и тут на чепи кинули в темную

⁴² См.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 461—462 (в разделе, посвященном анализу Жития).

⁴³ Текст Прянишниковского списка здесь и далее цитируется по изданию: Житие, ГИХЛ.